

ЖАЛЬ, ЧТО ВАС НЕ БЫЛО В ЗАЛЕ

Культура. — 1999. — 26 июля. — С. 1.

Ключевая водица

Театр XX века показал, кажется, уже все, что можно. И что нельзя — тоже. Но все-таки, как оказалось, есть еще необычные вещи.

В первый раз мы увидели фольклорный театр — ожившая старина, то, что давно ушло, чего давно нет на свете. Древние обряды, яркие, как во сне, игры, песни, танцы — не чужие, а волшебнo-знакомые, родные. Хотя еще за несколько минут до спек-

такля! никто из зрителей не подозревал, что глубоко внутри у него жива память об этой культуре (вологодский фольклор).

А было все буднично, обыкновенно. Вечером в Зал имени Чайковского пришли очередные зрители — ровно столько, сколько ходит сейчас в этот зал, то есть партер и первый амфитеатр. Никаких особых афиш по Москве не было, более того, даже основной афиши о первом выступлении Северного Русского театра из Череповца у дверей зала не висело. Так что пробегающие в Сатиру и Моссовета театралы даже не могли узнать, чем вызваны оживление у колонн, встреча гостей и прочие атрибуты презентаций. Пришли и сели в синие бархатные кресла, оставив за дверями московскую суету, очереди за холодными троллейбусами и горячими батонами.

И началось... Колдовская пляска у огня. Заклинание стихий. Действа, оберегающие деревню, скот, людей. Удивительно красивые песни. Танцы-хороводы, молодежные забавы. Певучая речь. От весны до зимы, по календарному кругу предков. Живые, разноцветные лоскутки, из которых «шито» старинное деревенское «покрывало жизни». Красота, выдумка, удаль народного искусства, крепко схваченная артистами, как Жар-птица Иванушкой. И сияет внутри его шапки (то есть обычного городского концертного зала) светом слепящим, необыкновенным.

Поразительно: казалось, что танцевали, пели и плясали мы сами. Не они — на сцене, где-то отдельно, для нас. А все, кто в зале. Какой-то неведомый внутренний голос мог подсказать следующее колесо в кадрили, куплет про соколика и лазоревый цветочек, взмах белого платка, пастуший танец. Фольклор, если он настоящий, подлинный фольклор, — это такая материя, которая «сидит» внутри человека. Ее нельзя поднести ему со сцены на жостовском подносе или в гжельском кувшинчике. Отзываются гены, генная память — она есть, живая, теплокровная. Молчат — ее нет. И сидишь тогда на концерте, как на выставке искусственных цветов. Почти покойник. Ну можно похлопать солистке в юбке колокольчиком — и все.

Сто раз так было. И повторяется, и повторяется, несмотря на то, что русский «мюзик-холльный» фольклор даже иностранцам уже надоел. Народные хоры и ансамбли в застое — и все-таки упорно пнут свою эстрадную «палку», потеряв живую традицию и западных импресарио. А вот в этом новом молодом театре такой палки нет.

Их спектакль называется «Древо жизни». Не какое-нибудь скромненькое название. Даже помнится из классиков, что оно должно вечно зеленеть. Выдюжит ли маленький театр? Пока все у него есть — замечательной головы художественный руководитель (Евгений Максимов), отличная, отборная труппа, не сонная, энергичная, настоящие спонсоры (АО «Северсталь») и любящие зрители — свои, череповецкие металлурги. Теперь вот покорили москвичей. Может, это начало большого плаванья?

И. КОСМИНСКАЯ.